

По лесу шёл Леший — рослый парень лет двадцати, в лаптях, самым сплетённых, в рубахе холщовой, пояском подпоясанной, в кепке — в неё у козырька была вставлена ромашка, свисающая над ухом. Радостный, поглядывал на кроны высоких берёз и сосен, прислушивался к пению птичек в кустах, иногда сам насвистывал, искусно имитируя соловьиные трели. Никто бы не подумал, что это лесной житель — решили бы, что деревенский парень прогуливается, если б не покрытое рыжеватыми волосами лицо.

Вдруг от опушки леса потянуло дымком. Напрягся Леший, принохался и побежал туда, опасаясь, что начался пожар. Вскоре послышались человеческие голоса. Леший услышал треск костра и увидел высокое пламя, в которое трое парней в джинсах и футболках кидали ветви берёз, лапы ёлок. Один длинноволосый сидел недалеко на берёзовом чурбачке, играл гитаре и пел:

В белом платье с пояском
Я запомнил образ твой.
По обрыву босиком
Бегали мы с тобой...

Хорошо пел, проникновенно. В другой раз Леший бы заслушался, а теперь из-за пожара решил парней прогнать, зарычал громко, как медведь, и начал кусты шевелить. Якобы зверь к костру пробирается...

Глаза парней округлились от страха. Кинулись они в сторону ближайшей деревни. Да так быстро, что через минуту след их простыл. Загасил зелёными лапами пихт Леший костёр, головешки раскидал, залил их из бутылки с минеральной водой, которую рядом с кострищем нашёл, — и вдруг увидел гитару. Впопыхах певец её бросил. Взял Леший гитару, провёл заскорузлыми пальцами с длинными ногтями по струнам, прислушался. Звук приятным показался. Сел Леший на пенёк, закинул ногу на ногу, стал играть и петь только что слышанную песню... На душе сделалось грустно. Вспомнил, что не женат и даже подруги не имеет...

Вскоре на опушке появилась Кикимора — выползла из кустов и к Лешему, кокетливо виляя попой, подошла. Сама в болотной жиже вымазанная, юбка из водорослей зелёных связана. В длинные волосы голубенькие цветочки воткнуты.

— О чём, Леший, поёшь? — спросила она ласково, томно поглядывая большими чёрными глазами.

— О любви, Кикимора, о любви! — тяжело вздохнул Леший.



— Ой, а разве ты про любовь что-то знаешь? — Кикимора умильно сложила руки на груди. — Расскажи мне...

Леший пожал плечами:

— Знать, может, и не знаю, зато чувствую... В груди какое-то томление.

— А хочешь, я тебе про любовь расскажу?

— А ты про неё откуда знаешь?

Кикимора захихикала многозначительно:

— Мне парни деревенские рассказывали.

- Ты что, в деревне была?
- И не только была, но и на дискотеке там танцевала.
- И там не догадались, что ты из леса пришла?

Кикимора кокетливо рассмеялась:

— Так местные девчонки от меня ничем не отличаются — тоже все накрашенные, танцуют, как и я. Мне деревенские парни все наперебой в любви признавались: дескать, пойдём прогуляемся.

- Куда?
- На сеновал.
- А что там на сеновале? Сено охранять?
- Неважно. Просто там мягко и вкусно пахнет.
- И ты ходила?

Кикимора вдруг фыркнула:

— За кого ты меня принимаешь?! Я девушка хоть и необразованная, но честь свою лесную берегу! — Кикимора опасно посмотрела в кусты и тихо пробормотала: — Да и испугалась я, что мой ухажёр медведь их задерёт. Жутко ревнивый. Он по пятам за мной ходит до самой деревни. Вот и сейчас от него еле-еле сбежала...

— А что? Выходи за него! Он мужчина солидный и серьёзный. Охранять тебя будет, медком угощать по праздникам.

Кикимора захихикала:

— Он меня на цепь в своей берлоге посадит или съест от ревности... Мне уж и взглянуть ни на кого нельзя будет. И зачахну я.

Она села на колено к лешему, обняла его за шею и ласково сказала:

- А я давно по тебе тоскую! И тоже — томление в груди...

Леший легонько отстранил её от себя и сказал, чтоб не обиделась:

— Ты девушка, конечно, яркая, но... — Леший поискал причину для отказа и добавил: — Но не хозяйственная. А я порядок люблю. В моём шалаше всё по полочкам разложено. А в твоей избушке кавардак! Зеркала, расчёски и всякая белиберда. Все раскидано...

Кикимора шмыгнула носом:

— Разве это главное?! Зато я тебя любить буду сильно-сильно — и она потянулась сложными в трубочку пухлыми губками к Лешему...

В этот момент в лесу раздался треск сучьев под тяжёлыми шагами, медвежий рёв, и на полянку вышел крупный бурый медведь. Зыркнув глазами и увидев кикимору недалеко от Лешего, он встал на задние лапы и страшно зарычал:

— Вот ты где, изменница! Уже ухажёра нашла? Сейчас я его съем! — и медведь вперевалку кинулся к Лешему, которого издали принял за деревенского парня.

Леший обернулся к медведю и сказал:

- Спокойно! Не хулиганить!
- А, это ты... — озадачился медведь. — Почему ты с моей подружкой миловался?
- Мы с ней не миловались, а мирно разговаривали.
- Мирно?.. Тогда я её одну съем!

Кикимора закричала «Спаси! Спаси!» — и спряталась за Лешего. Тот погрозил пальцем и строго сказал медведю:

— Не позволю обижать девушку! Она тебя не любит, и поэтому от неё отстань.
— Вот как прижму к себе и обниму — так сразу и полюбит! — заявил уверенно медведь.

«Спаси! Спаси!» — снова закричала кикимора.

На полянку из чащи вышла крупная, насуспенная дочка Бабы Яги, Галина в больших резиновых калошах, в фуфайке, с топориком на поясе и, объедая всех мрачным взглядом из-под густых рыжих бровей, басовито сказала:

— Чего орёте на весь лес? Кто кого убивает?

— Это медведь меня хочет съесть за то, что его не люблю! — заявила кикимора.

— А кого ты любишь? — хмыкнула Галина.

Кикимора показала на Лешего:

— Вот его! Он добрый и ласковый. На гитаре умеет играть и песни петь.

Галина подняла Лешего за шкурку с пенька, осмотрела его с ног до головы оценивающе, словно в первый раз видит, повернула к себе передом и задом и вдруг сказала:

— Такой парень мне самой нужен! Я его в мужья беру.

— Жениха прямо из-под носа уведят! — заверещала кикимора.

— Молчи, — прикрикнула Галина. — Какая из тебя жена?! Ты же глупая! Вот из меня жена так жена! — она ласково обратилась к Лешему: — Пойдём, милоч, со мной. Ты, наверное, проголодался. Я тебя борщом вкусным угощу.

Леший погладил ладошкой живот, где у него сразу забурчало, шмыгнув носом и пробормотал:

— Перекусить, конечно, можно...

Бочком-бочком к Галине подошёл медведь и сказал заискивающе:

— Я тоже голодный. И меня покорми.

— Обойдётся, — фыркнула сердито Галина. — Тебе бочку надо борща, а у меня всего лишь десятилитровая кастрюля.

Она взяла Лешего под руку и повела в свою избушку, которая находилась на дне глубокого оврага в чащобе. Кикимора и медведь пошагали за ними поодаль. Кикимора печально заявила:

— Леший, зачем тебе такая жена? Она же злая! Угробит тебя раньше срока. Ядом отравит, если что не по ней. От неё даже Змей Горыныч за границу сбежал...

Галина, не оборачиваясь, фыркнула:

— Молчи, зараза! Я не злая, а строгая... И не сбежал, а я его сама прогнала — он водку вёдрами пил сразу в три свои глотки.

— А Кощей зачем сбежал от тебя? На что Бессмертный, и то испугался, что со свету сживёшь.

— А зачем мне был нужен такой старикан в пятьсот лет, да и тощий — я люблю мужчин в теле.

— Леший, лучше меня жены не найдёшь, — продолжала Кикимора. — Мы будем с тобой сидеть на берегу озера и петь:

Хороши вечера на Каме.

Я буду сидеть в панаме.

Целовать и тебя обнимать,

Ну а ты на гитаре играть.

Галина схватила с земли толстую палку и кинула в Кикимору:

— Сгинь, зараза. А то по примеру своей матушки в печь засуну, косточки обглодаю и по лесу разбросаю...

— Леший, — кикимора встала в позу и кулачки в бока уткнула. — Зря ты от меня отказываешься! Я, может быть, скоро певицей известной стану! На гастроли по всей России буду ездить.

Леший на неё лишь оглянулся, но Галина дёрнула его за руку и толкнула вперёд. Кикимора с досадой махнула рукой, обняла медведя и пошла с ним, заявив грустно:

— Эх, нет в жизни счастья...

* * *

Завела Галина Лешего в материнскую избушку, что стояла на огромных курьих ножках и слегка покачивалась от ветра. Усадила за стол, наложила ему в большую деревянную тарелку ароматный борщ с лесными приворотными травами, а сама села рядышком и смотрит, изучая. Съел Леший одну порцию с большим аппетитом, она ему вторую наложила. Съел он и вторую и тут только спросил:

— А мясо—то в борще не человечесь?

— Враки это, что мы с мамкой людей едим. Мы давно кушаем говядину. Я её в ближайшем городе на базаре покупаю.

Леший растерянно пробормотал:

— Что это ты вдруг меня в женихи выбрала?

— А кого ещё? Ты более других на человека похож. Вот побреем тебя, пострижём — и будешь ты нормальный мужик! Крепенький, хозяйственный, послушный. Мне такой и нужен. Я ведь в город решила перебраться. Надоело избушку дровами топить, когда в городе уже все газом пользуются. При ярком электричестве хочу жить, а не при тусклой керосиновой лампе. Телевизор хочу смотреть, в нарядных туфлях на высоких каблуках ходить, а не в калошах.

Леший, вставая из-за стола, пробормотал:

— А мне в лесу нравится жить. Тут природа, воздух чистый, все друзья... Пойду—ка я прогуляюсь.

Галина схватила его за шкирку и погрозила длинным узловатым пальцем:

— Знаю я тебя. Ты можешь забрести в такие дебри, что потом тебя год не сыщешь. А мне уже тридцать лет скоро. Я не хочу старой девой остаться, — и толкнула Лешего на кровать. И сама рядом прилегла. Так придавила толстой ногой, что он пошевелиться не может.

На следующий день с утра послала Галина огромную красноглазую сову, что постоянно сидела на трубе избушки и предупреждала Бабу Ягу о незваных пришельцах, собрать лесное зверьё на поляну... Облетела сова лес и всем сообщила, что их желает видеть дочка Бабы Яги. Собрались к обеду на поляне белки, бурундуки, зайцы, лисы, волки и другая живность. Ждут, что им Галина важного скажет. Она вышла из избушки и говорит:

— Уважаемые звери! Дорогой лесной народ! Мы с Лешим вчера поженились и собираемся в городе жить. Я там открою бизнес и вас возьму к себе на работу. Вы будете поставлять мне кедровые орехи, целебные корни, грибы и ягоды. Будете делать туески из берестяной коры, поделки из корней деревьев. А за все это я вам буду платить деньги.

— Мы их считать не умеем.

— Нам деньги не нужны.

— Мы по магазинам не ходим... — заговорили звери.

— Материю на платья и костюмчики привезу, — заявила Галина.

— У нас шерсть на шкурах тёплая... — забормотали звери.

— Зеркала подарю, чтоб чаще смотрели на свои грязные физиономии, и мыло, чтоб умывались. Ножницы, чтоб когти стригли, — сказала Галина.

— Физиономии у нас чистые, а когти нужны... — забормотали звери.

Тут как глянет на них Галина сердито, да как фыркнет:

— Всё вам не так, да не эдак! Я вот скажу мамке, чтоб порчу на вас напустила, и умрёте вы в страшных муках, если работать на меня не будете!!!

Присмирили сразу звери, головы покорно пригнули.

* * *

Взяла Галина в аренду место на городском базаре и стала торговать лесными дарами — ежевикой, клубникой, морошкой, малиной, шиповником. Калиной, рябиной, черёмухой! Ягод разнообразных в лесу — множество. Травы лечебными — душицей, иван-чаем... Да любая травка, какую ни возьми, целебная! Любой корешок от болезней лечит лучше дорогих таблеток и микстур!

Стоит она за прилавком и кричит на весь базар зычным голосом: «Покупайте! Все сделано по рецептам бабушки Яги!» Народ к ней толпами идёт, давно зная, что Баба Яга хорошо разбирается в снадобьях!

Ну а Леший каждый день на велосипеде ездит в родной лес и привозит оттуда полные корзины грибов и ягод, поделки из бересты и дерева. Белки и лисы своими пушистыми хвостиками научились масляными красками картины на срезах чурбачков рисовать. Галина продавала их, как виды родных мест. Похлеще любого авангардиста — залюбуешься! Бурундуки и кроты лечебные корешки в земле для неё роют. Волки красивые корзины из ивовых прутьев плетут. Медведь кедровые качает и шишки с них собирает, масло кедровое из них давит огромными лапами. Ёжики листья лапками раздвигают, грибы находят и на спинах, приколов к иголкам, к месту сбора урожая волокут. Зайцы кору берёзовую рвут и туески шьют. Все это большим спросом на базаре пользуется!

Как-то сидит Галина на похожей на дубовый бочонок материнской ступе около прилавка. На нём поделки из дерева стоят, туески, а рядом лежат ягоды и грибы в корзинках. Руки в боки уткнула и громко кричит: «Подходите! Всё свеженькое! Только что из леса». Подходят к ней три парня — глаза прищурены, руки в карманах держат, на лоб фуражки надвинули. Физиономии наглые.

— Ну что, мамуля... — говорит один с синей наколкой на оголённом плече. — Много торговала?

— Сколько наторговала — всё моё... — отвечает Галина сухо.

— Делиться надо!

— Это с кем?

— С нами...

— Тумаков могу навешать бесплатно.

— Да ты нагая! Деньги давай!

Галина со ступы встала и указывает в тёмное отверстие:

— Там лежат! Возьми, сколько сможешь...

Заглянул парень в отверстие с довольной физиономией — и тут Галина ноги его схватила и всего в ступу затолкала, а сама сверху села, ухмыляется. Запил он оттуда гулко, словно из пустой бочки: «Пусти, старая...» А Галина на ступе подпрыгивает, уминая его толстой задницей и бубнит колдовское заклинание под нос.

— Эй, ты! — с испугом пробормотал второй. — Отпусти нашего жоака.

— Отпустить? Пожалуйста... — Галина вытащила из ступы за шкуру укороченного в два раза, размером с лилипута, парня с наколкой и держит на весу, как куклу. — Забирайте!

Тот короткими руками и ножками размахивает, большой головой трясёт и плачет. Парни с ужасом в сторону отскочили, бормочут:

— Ты чего с ним сделала? Да мы тебя...

— Чего? Чего? В урода превратила! Тоже хотите? Кто следующий?.. Могу для разнообразия в свинью превратить... — пробасила Галина утробным голосом и вытянула длинную руку к парням, словно желая схватить. Они кинулись прочь, перепрыгивая через прилавки, не оглядываясь. А маленький уродец кинулся за ними с криком: «Подождите...», но через прилавок перелезть не смог и пролез под ним на четвереньках.

Отёрла Галина руки друг о дружку с довольным видом и пробормотала:

— От меня в своё время даже Змей Горыныч еле ноги унёс! Да я за родную копейку любого давлую!

* * *

За год накопила Галина денег на огромный коттедж. Купила землю в престижном месте, где большие чиновники и банкиры селились, и дом начала строить. Леший мужик рукастый, трудолюбивый, сильный, научился кирпичи класть, доски строгать. Сам сделал резные наличники на окошки и крылечко невероятной красоты, какие в русских теремах раньше делали...

И вот дом построен: высокий, двухэтажный! Таких избушек, в которой когда-то дочка Бабы Яги жила, в него штук двадцать уместится, а может, больше... Ходит Галина по дому, радуется простору и богатству, руки потирает, в зеркала на стенах смотрится.

Леший тем временем пригласил зверей на новоселье, а у Галины разрешения не спросил. И вот под покровом ночи к дому, что стоял на окраине поля, пришли толпой звери. Радостные, счастливые, любопытные. Медведь лапой громко в ворота стучит.

— Кто там? — спросила Галина Лешего. Она смотрела жидкокристаллический телевизор, сидя на кожаном диване в шёлковом халате, и попивала кофе из изящной фарфоровой чашки. — Воры пришли, что ли? — и добавила сердито: — Сейчас я им головы-то оторву!

— Да нет, — пробормотал Леший. — Это звери пришли на новоселье.

— А кто их пригласил?!

— Я.

— Да как ты посмел, дундук лесной?!

— Так ведь они нам помогали деньги на дом заработать.

— Обойдутся...

— Некрасиво получится.

— А красиво получится, когда они войдут и грязными лапами мне дорогие ковры замарают, мебель когтями поцарапают?! Нет, уж... Дай медведю и волкам по палке колбасы, а остальных прогони!

Вышел Леший, удручённый, за ворота, тяжело вздохнул и виновато говорит:

— Жена моя принять вас не может! У неё голова болит! Зато она вам даёт продукты... — и он протянул большой мешок, куда скидал все, что было в холодильниках: — Спасибо вам за помощь и дружбу!

Растерялись звери, обиделись — хотелось им в доме за столом посидеть. Медведь, жуя толстую палку копчёной колбасы, сказал печально:

— В кого ты, Леший, превратился? В подкаблучника! Вы бы хоть с женой Бабу Ягу навестили. Ни разу за целый год Галина у неё не была. А та расхворалась сильно.

И звери побежали, поскакали обратно в лес. Одни лизали мороженое, другие грызли грецкие орехи. Лиса ташила в зубах балык.

Вернулся Леший в дом. Жена на кухне встречает его у открытого пустого холодильника со скалкой, да как даст ему по голове:

— Ты почему, дундук, мою чёрную икру и рыбу красную зверью отдал? Ты почему отдал им бананы, апельсины, ананасы и авокадо?! — и ещё раз ударила по голове скалкой.

Стерпел Леший, шишку на голове ладошкой погладил и промолвил:

— Звери говорят, что мама твоя захворала. Надо бы навестить.

— Ладно, съездим! — смягчилась Галина, но ещё стукнула Лешего скалкой по спине — для профилактики.

На следующий день она пригласила мастеров — и те поставили на окна железные решётки, а вокруг дома протянули колючую поволоку, чтоб гости из леса больше не приходили.

Только через неделю собралась Галина навестить Бабу Ягу. Напомадилась она, накрутилась, надела высокие кожаные сапоги на длинном каблуке, села в красную дорогую иномарку, Лешего посадила на заднее сиденье — и поехали в лес. Доехала до опушки, дальше проезда нет...

— И когда только в лесу дороги построят?! Никакой цивилизации! — фыркнула она.

Попыталась она идти по земле — а каблуки сапог в дёрн втыкаются, вязнут, вскоре один отвалился. Леший в кроссовках шёл, он и говорит:

— Тыними сапоги — и босиком, как раньше по лесу ходила. Это ж так приятно: травка пятки щекочет — массаж.

— Я, важная дама, и буду босиком ходить? Ноги с педикюром марасть и мозолить? — хмыкнула Галина. — Отдай мне кроссовки!!

Снял послушно Леший кроссовки и бодренько пошagal босиком по мягкой хвое.

Добрались они до Бабы Яги. Избушка стоит словно мёртвая. Из трубы дыма нет, дверь нараспашку, от ветра качается и жалобно скрипит. Опечалился Леший, растерянно в проём двери заглядывая:

— Бабушка, ты жива?

После долгого молчания с печи послышался протяжный стон и кряхтенье:

— Жива вроде, но всё болит. Спину прихватило — радикулит, наверное.

Галина процедила сердито:

— Чего не лечишься проверенными средствами? Мазью из яда гадюки и пепла лягушки?

— Кончилась у меня мазь, — старуха с трудом спустила с печи ноги в подшитых заплатанных валенках. — Умру, наверное, всеми забытая! Возьми меня, дочка, к себе. Я слышала, ты большой дом в городе построила, со всеми удобствами. Дай мне там лежанку в уголке.

Леший обрадовано воскликнул:

— Конечно, бабушка! У нас в доме десять комнат — тебе отдельную выделим. Спать будешь на ортопедическом матрасе, а не на жёсткой печи, как здесь.

В этот момент Галина резко дёрнула Лешего за локоть и буркнула:

— Пойдём-ка выйдем... — на крыльце ему злым шёпотом заявила: — Ты чего суёшься не в своё дело? Не нужна мне она в доме.

Леший оторопел:

— Ну как же — мамка всё-таки...

Галина усмехнулась:

— Вдруг мои гости, жёны банкиров и важных чиновников, увидят её? Да узнают, что Баба Яга моя мать? Они же дружить со мной перестанут. Я ведь всем сказала, что потомственная княгиня.

Леший растерянно поморгал:

— На княгиню-то ты мало походишь.

— Это не тебе судить! — оборвала Галина. — Я вот пластическую операцию сделаю: глаза расширю, нос укорочу, уши обрежу — и буду ничуть не хуже княгини!

— Вот и у бабушки бородавку на носу тоже пусть хирург срежет, а мы её пострижём, оденем в спортивный костюм. И будет она у нас в огороде огурцы и помидоры выращивать, цветочки поливать, — предложил Леший.

— Нет уж! Пусть тут живёт!

— Умрёт она здесь от голода и холода.

Галина пожала плечами:

— Значит, пожила уже... Пора на покой.

— Да ты что! Это как русский лес будет без Бабы Яги? Без главного своего жителя! — воскликнул Леший и побежал в чащобу за дровами.

Пока Галина с матушкой разговаривала, хвалилась городской жизнью, Леший напил и наколот целую поленницу — заготовил на будущее. Затапил печь и сварил супчик из грибов-боровиков наваристый и очень вкусный. Сбегал на озеро и наловил корзину жирных карасей бреднем, который у него с давних пор здесь под кустами лежал. Зажарил их. Потом снял Бабу Ягу с печи и за стол усадил. Покушала она супчик большой деревянной ложкой, приободрилась. Карасика жареного пососала.

— Вот уже оклемалась! — воскликнула Галина. — Живи, маманя, радуйся. Я тебе подарки привезла, — и она выложила на стол тёплый фланелевый халат и головной цветастый платок.

Леший добавил:

— Я к тебе буду изредка приезжать и консервы привозить. А медведю скажу, чтоб дрова заготавливал.

Галина собралась уходить, Баба Яга протянула ей стеклянную полулитровую баночку и сказала:

— Ты сюда вот поплуй.

— Это зачем? — нахмурилась Галина.

— Так у тебя слюна не хуже, чем яд гадюки. Мазь из неё от радикулита сделаю.

То ли с досады, то ли от обиды наплевала ей Галина полбанки...

* * *

Галина зашла в поликлинику и решительно направилась в кабинет к хирургу, который делал пластические операции. Села перед ним в кресло и пробормотала:

— Ты должен сделать из меня красавицу!

Моложавый, подтянутый, с усиками хирург внимательно глянул на неё и поморщился:

— Красавицу вряд ли, но кое-что подправить можем...

— А я хочу быть вот такой! — и Галина сунула ему под нос репродукцию картины художника Брюллова, на которой была изображена русская красавица, графиня.

Хирург решительно отодвинул портрет:

— Вам до неё как Бабе Яге до Венеры.

— А я хочу! — Галина подалась вперёд и схватила хирурга за галстук, притянув его лицо к себе. — И вообще, не оскорбляй!

У него побледнели и затряслись губы, он стал заикаться:

— П..п..п.. по..пробуем...

— Вот это правильно! Пошли в операционную — сразу и начнёшь!

— Надо сначала взять анализы...

— Мне некогда ждать! Я хочу быть красивой сейчас и сразу! — Галина взяла его за шкуру и вытащила из-за стола. — Пошли!

Хирург на плохо двигающихся от страха ногах прошёл в операционную и подал Галине зеркало:

— Посмотрите, что вам в себе не нравится!

Галина посмотрелась в зеркало в профиль и анфас, повертела головой и заявила:

— Нос укороти, уши тоже... Губки сделай аппетитными... Впрочем, ты будешь резать, а буду подсказывать в процессе.

Хирург аж поперхнулся:

— Я операцию делаю под наркозом. Когда пациент ну того... спит.

Галина хмыкнула:

— Нет уж! Я буду следить и подсказывать! Мало ли ты чего там отрежешь?! Потом тебя за это придётся покалечить. Шею свернуть, например.

— Без наркоза человек умрёт от боли.

— Человек, может, и умрёт, но я боли не боюсь...

Хирург попятился к двери, желая улизнуть от странной пациентки. Галина схватила его за шею, другой рукой взяла скальпель и пробормотала:

— Работай! Я тебе деньги плачу... А если не сделаешь как хочу, то я тебе самому уши отрежу... — и она захохотала так громко, словно заухала сова.

Пока хирург орудовал скальпелем, Галина, лёжа на операционном столе, разглядывала себя в зеркало, скептически хмурилась или радостно восклицала: «Вот это правильно отрезал! Давай ещё на два сантиметра покороче...» У хирурга от страха и волнения капал с носа пот, будто весной вода с сосульки... А у Галины быстро заживали порезы на лице, мгновенно останавливалась кровь. «Ну все! Мне нравится», — сказала Галина, встала с операционного стола и полезла в сумочку за деньгами. Хирург выставил вперёд ладони, словно защищаясь, и пробормотал:

— Спасибо! Денег не надо!

Галина пожала недоуменно плечами, сложила деньги в сумочку и пробормотала:

— Дело ваше... — и вышла.

— Что это было? — спросил хирург у медсестры, которая помогала ему во время операции, и плюхнулся без сознания в кресло. Медсестра ему ватку с нашатырём под нос сунула, чтоб в чувство привести.

* * *

Чтоб не отличаться от богатых жён-соседок, живших на одной с ней улице, собралась Галина слетать на курорт в Египет, на пляже там позагорать...

— Поедем с тобой на Красное море, — заявила она Лешему. — Я уже и путёвки купила.

— Не хочу, — ответил Леший. — Я лучше отпуск на бережку лесного озера проведу, в палатке — дешевле и спокойнее. Закатами-рассветами буду любоваться, пение соловьёв слушать... — и он мечтательно засмотрелся в окно, из которого виднелась опушка родного леса.

— Поедешь, как миленький! А то ещё загуляешь тут без меня с Кикиморой...

Полетели они на самолёте в Египет — высота огромная над землёй. Море кажется синей скатертью из ткани. Леший в иллюминатор смотреть боится, схватился за подлокотники кресла, а Галина улыбается и говорит:

— Сразу видно, что в ступе не летал... Вот я на ней, пока она не сломалась, аж под облака поднималась! Птицам по клювам кулаком давала, чтоб не мешались.

По прилёту легла Галина грузным телом на кушетку на берегу моря — та аж в песок вдавилась. С утра до ночи лежит Галина под палящим солнцем... Вспотела вся, кожа скоро волдырями от ожогов покроется, но Галина терпит — хочет, чтоб загар лёг на

тело ровным толстым слоем, как шоколадное масло. Чтоб приехать домой и похвалиться всем соседкам, как хорошо отдохнула.

Лешему тяжело в жарком климате — шерсть у него с тела хоть и отвалилась давно за ненадобностью (он же теперь постоянно одежду носит и зимой под открытым небом не спит), однако дышится тяжело. В глазах мутно. Ищет он дерево раскидистое, под которым можно лечь на травку и отдохнуть, а таких нет — пальмы кругом и пески... Только залез он в море (одна голова из воды торчит), а Галина уже к себе зовёт:

— Марш сюда! Будешь мне ветерок создавать...

Дала большое полотенце, он её обмахивает, как паж у царицы. Обмахивал, обмахивал — и свалился без сознания от теплового удара на песок. Спасатели оттащили в море — ожил он там и думает: «Никогда больше сюда не поеду! То ли дело в родном лесу — прохлада, спокойствие...»

* * *

Приехав из Египта, подсчитала Галина оставшиеся деньги, вытащив их из большого чулка, который хранила под кроватью, и ужасом видит, что их немного. А планы у неё огромные: купить итальянскую мебель, съездить теперь уже на далёкие Мальдивские острова в океане...

Посадила она Лешего перед собой и говорит:

— Снова пора на базаре торговать грибами и ягодами! Но я, конечно, сама не пойду — я уже дама другого статуса, а не простая торговка. Ты пойдёшь...

— Где товар теперь возьмём? — хмыкнул Леший. — Ты же зверей обидела! Они нам помогать больше не будут.

Галина озадачилась:

— Да уж... Тогда в подвале сделаем столярную мастерскую, где будешь мебель делать из дуба, а мы её будем продавать, как итальянскую, глупым и завидующим жёнам банкиров...

— Зачем же людей обманывать? — растерялся Леший.

— Не обманешь — не проживёшь...

Тут Леший скромно сказал:

— Я мечтал песни сочинять — творчеством заняться. Надеюсь, что дом построим, и время на это появится. А твоим запросам нет конца.

— Да кому твои песни нужны?! — отмахнулась Галина. — Лезь в подвал и работай.

— И вообще, я обратно в лес хочу! Там веселее жилось! — вдруг заявил Леший.

— И чем ты там будешь заниматься? Где жить? Опять в шалаше? Ты уже отвык от лесной дремучей жизни.

— А я лесником устроюсь работать!

Призадумалась Галина, а потом как гаркнет:

— Да я из тебя, чучело лесное, человека сделала! И ты, неблагодарный, по гроб жизни мне обязан!

Затолкала она его пинками и подзатыльниками в огромный подвал, матрас кинула, чтоб мог прилечь отдохнуть, когда устанет, и крышку на засов прикрыла. Заглянула к нему через два часа — и обомлела: он ходит около столярного станка в полосатом костюме, из матраса сделанном, как арестант.

— Ты чего так вырядился? — озадачилась она.

— Так я здесь как в тюрьме — значит, и одеваться должен соответственно.

— Ну, ну... — засмеялась она, соглашаясь. — Будешь арестантом, а кормить я тебя буду только за норму выработки. Сделаешь стул — получишь бутерброд! Сделаешь стол — налью тарелку борща.

Неделю Галина его из подвала не выпускала, кормила, опуская туда еду в термосе. Ждала, когда образумится. Проснулась как-то утром, прислушалась — а в подвале тихо. Станок столярный не работает... «Отлынивает, зараза!» — подумала она и со скалкой спустилась в подвал. Нет там Лешего! Куда пропал? Заглянула в каждый уголок — и вдруг в самом конце подвала обнаружила дыру. Ползла по ней и очутилась за оградой дома...

Заорала Галина:

— Вот, тварь лесная, сбежал? Кто же теперь меня обеспечивать будет?

Побрела она в дом, выпила с горя бутылку коньяка, села перед телевизором и в экран уткнулась, чтоб от печальных мыслей телесериалом про любовь отвлечься... И вдруг видит на экране среди депутатов Государственной думы знакомую лысую голову. Ба! Да это же бывший ухажёр Кощей Бессмертный... Он одет в дорогой костюмчик, в светлую рубашку, с модным галстуком, и звать его уже не Кощей, а Константин и фамилия у него — Бессменный...

На следующий день села Галина в свою дорогу иномарку и покатила в столицу... Добралась к вечеру до здания Думы, записалась к Константину на приём по личным вопросам и вошла в просторный кабинет. Важный депутат, не вставая с кожаного кресла, мельком глянул на неё:

— Какие у вас проблемы, женщина?

— У меня никаких, а у тебя будут, если на мне не женишься! — заявила жёстко она.

Депутат от удивления откинулся в кресле и глаза выпучил.

— Что, не узнаешь девушку, которую девственности лишил на мягкой травке под ёлочкой? — хмыкнула Галина и угрожающе над ним нависла.

— Де-де-де... — с заиканием вырвалось у депутата. Наконец, он выдавил приглушённо, чтоб посторонние не услышали: — Так ты уже до меня со Змеем Горынычем жила!

— У меня на тебя и другой компромат найдётся... Если припомнить все твои грешки за тысячу лет перед русским народом, то сидеть будешь не в Думе, а пожизненно на нарах в тюрьме.

— Чего ты хочешь? — пробормотал он обречённо.

— Замуж хочу, а то денег на красивое житьё не хватает. А у тебя их полно в сундуках.

— Не в сундуках, а в Швейцарских банках, — фыркнул он горделиво и добавил: — Вообще-то, у меня молодая подруга есть.

— Прогонишь, если не хочешь лишиться мандата и всех незаконно нажитых миллионов! — Галина обняла его и поцеловала в лысую, сморщенную, как печёное яблоко, голову. — Понял?

— Понял... — кивнул депутат так резко, что стукнула вставная челюсть, и сделал кляу физиономию.

* * *

Пришёл Леший в кабинет начальника над близлежащими лесами. Тот, толстенький, в костюмчике спортивном, сидит за столом около телевизора и слушает прогноз погоды, бормочет: «Будет завтра дождь или не будет?» В телевизоре молодая белокурая дикторша, что о погоде сообщает, ходит вокруг карты области и говорит: «Завтра будет ветер и пасмурно...»

Посмотрел на неё Леший скептически:

— Врёт она!

Начальник удивлённо глянул на посетителя:

— А ты откуда знаешь?

— Так сорока, что на дереве сидит под окном твоей конторы, другое сказала... — ответил Леший.

Начальник усмехнулся с иронией:

— Мало ли что сорока может наболтать?

— Сороки всегда правду говорят. Они погоду за неделю вперёд знают!

— А ты что, язык сорок понимаешь?

— Да я язык всех зверей и птиц понимаю... — буднично ответил Леший.

Начальник прищурил один глаз и наклонил голову на бок, с удивлением разглядывая его:

— Ты кто? И вообще, откуда такой хвостун взялся?

— Так я всю жизнь в лесу прожил.

— А чё сюда пришёл?

— Лесником хочу устроиться!

— Лесником? А ты на него учился? Диплом у тебя есть?

Леший пожал плечами:

— Диплома нет... Выучусь заочно. Впрочем, зачем мужику диплом, если он лес любит, понимает и хочет его беречь?

— Красиво говоришь... — хмыкнул начальник и вдруг открыл окно кабинета и глянул на соседнюю высокую берёзу, где сидела и стрекотала сорока-белобока: — Скажи-ка ей что-нибудь. Если ответит, возьму тебя на работу!

Леший выглянул в окошко и протрещал языком и губами. Сорока посмотрела на него и, впорхнув с ветки, прилетела на подоконник. Леший погладил её по пёрышкам и указал на начальника:

— Скажи ему, какая завтра погода будет!

Сорока что-то выразительно протрещала. Начальник растерянно похлопал глазами и приоткрыл от изумления рот.

— Говорит, что солнечно будет три дня подряд.

Сорока покивала и впорхнула на берёзу.

— Ты и с медведями умеешь разговаривать и с кабанями? — пробормотал начальник ошарашено.

— Без проблем... — ответил Леший.

Начальник написал на листочке «срочно принять!», дал листочек Лешему и сказал:

— Иди оформляйся... — а напоследок добавил: — Но если завтра пойдёт дождь — уволью.

Леший задержался в дверях и сказал:

— Кстати, берёза мне пожаловалась, что пять лет назад, когда проводили под землёй водопровод, ковшом экскаватора ей корни повредили.

* * *

Так Леший устроился лесником, стал незаконной вырубке пересекать да зверям помогать — кормушки повсюду установил с сеном и овсом, чтоб зимой в морозы не голодали. Дом себе построил в середине леса. Когда дел нет, песни на гитаре сочиняет. Счастливый...

Однажды в дом милая девушка постучалась. Открыл он дверь и с трудом признал Кикимору — причёска у неё теперь аккуратная, макияж скромный, ногти короткие, ухоженные, разговаривает культурно. Обнялись они. Разговорились.

— Как ты? Где? — спросил он радостно.

— Пыталась я певицей известной стать, но не получилось, хотя многим моё пение нравилось. На конкурсах красоты участвовала и даже призовые места занимала. А теперь хочу родному лесу помогать... — ответила скромно она.

Обрадовался Леший, чаем её угостил из целебных ароматных трав — нравится ему нынешняя Кикимора своими правильными мыслями и видом. Заявил он:

— Живи у меня! Работы в лесу хватит! Будем саженцы садить, чтоб лес расширять, учёт зверей вести. А вечерами у камина станем песни петь... Недавно такую вот сочинил:

Приди ко мне — я твой камин.
Без дров любви я тосковал один.
Ты спичкою улыбки зажги меня.
Холодная душа давно ждала огня...

— А что? — кокетливо сказала Кикимора. — Я согласна! А медведь не заревнует?

— Так он себе давно уже медведицу нашёл и медвежат троих имеет. Многодетный и заботливый отец! Мы с ним часто Бабу Ягу навещаем. Живёт ещё старушка, дай ей бог долгих лет жизни!